

Литература

1. Kurylowicz J. Le problème du classement des cas. Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, Zesz 9, 1949.
2. Володин А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
3. Володин А.П. Ительменский язык. Л., 1976.
4. Кулинич Е.Д. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). СПб., 2000.
5. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
6. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, The Hague, 1966. VIII.
7. Песикова А.С. қәнтәк кө]. Учебник для 4 класса общеобраз. школы (сургут. диалект). СПб., 2003.
8. Кошкарева Н.Б. Сургутский диалект хантыйского языка // Языки коренных народов Сибири. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 10.
9. Хватай-Муха К.Ф. Функции местно-творительного падежа в среднеобском диалекте хантыйского языка: Автореф. дис....канд. фил. наук. Л., 1950.
10. Парнюк Л.В. Полевые материалы по васюганскому говору вах-васюганского диалекта (Александрово). 2004.

О.А. Шумиц

«ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ» В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИНСКОГО, ВЕНГЕРСКОГО, УДМУРТСКОГО, КОМИ И МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ)

Томский государственный педагогический университет

Проблема статуса «прилагательного» в системе частей речи уральских языков дискутируется уже долгое время, однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, правомерно ли в этих языках выделять самостоятельную часть речи – *имя прилагательное*.

В индоевропейских языках прилагательное относится к классу имен, поскольку оно тесно связано с существительным и обладает теми же грамматическими категориями, например, категориями рода, числа и падежа. Еще со времен Античности грамматическая традиция подводила существительные и прилагательные под одну категорию имени [1, с. 29].

Но это не означает, что в других неиндоевропейских языках, в частности в уральских, прилагательные являются именным классом. Требуется рассмотреть, чем «прикидываются» уральские словоформы, выполняющие функцию атрибута актанта.

Так, например, в традиционных грамматиках финского и венгерского языков выделяется самостоятельная часть речи – *имя прилагательное*, которое обозначает признак предмета как качественный, так и относительный. Оно обладает собственными категориями числа, падежа и категорией степеней сравнения. В предложении финское и венгерское прилагательное выполняет функцию определения или выступает в роли именной части составного сказуемого [2, с. 96–97; 3, с. 389–407].

Действительно, нельзя не согласиться, что в финском языке под контактным индоевропейским

влиянием сложилась группировка *имен прилагательных*, в которую, однако, входит лишь часть так называемых «прилагательных», а именно качественные «прилагательные», например:

iso talo ‘большой дом’,
issossa talossa ‘в большом доме’,
isoissa taloissa ‘в больших домах’;
uusi juna ‘новый поезд’,
uudessa junassa ‘в новом поезде’,
uusissa junissa ‘в новых поездах’;
nuori tyttö ‘молодая девушка’,
nuorelle tyttölle ‘к молодой девушке’,
nuorille tytöille ‘к молодым девушкам’.

В приведенных примерах финские качественные «прилагательные» формально ведут себя как существительные, принимая именные грамматические категории, т.е. согласуясь с существительными в числе и падеже. В этом случае, вероятно, можно говорить об условно самостоятельной части речи – имени прилагательном. Однако мы находим и множество таких примеров, как:

puutalo ‘деревянный дом’ (букв. ‘дерево дом’),
puutalossa ‘в деревянном доме’,
puutaloissa ‘в деревянных домах’;
isän talo ‘отцовский дом’ (букв. ‘отца дом’),
isän talossa ‘в отцовском доме’,
isän taloissa ‘в отцовских домах’;
omenamehu ‘яблочный сок’ (букв. ‘яблоко сок’),
omenamehun ‘яблочного сока’,
omenamehussa ‘в яблочном соке’.

В данном случае речь идет о существительных (*puu* 'дерево', *omena* 'яблоко' и *isä* 'отец'), которые выступают в роли относительного определения и никогда не согласуются с определяемым [4, с. 76–77].

В венгерском языке мы сталкиваемся с ситуацией, когда и качественные, и относительные атрибуты, стоящие перед определяемым словом, не изменяются, т.е. не согласуются с существительным, а выступают в основной форме, например:

nagy ház 'большой дом',
nagy házak 'большие дома',
nagy házban 'в большом доме';
meleg szobában 'в теплой комнате',
meleg szobákban 'в теплых комнатах';
fa ház 'деревянный дом',
fa házak 'деревянные дома',
fa házban 'в деревянном доме'.

То есть в венгерском языке, как и в финском, роль относительных «прилагательных» выполняют имена существительные, например:

arany karika 'золотое кольцо' (букв. 'золото кольцо'),
kő fal 'каменная стена' (букв. 'камень стена'),
bőr öv 'кожаный пояс' (букв. 'кожа пояс') и т.п.

Кроме того, в связи с тем, что венгерские «прилагательные» сохраняют неизменяемую форму в большей степени, возникает трудность в семантическом различении «прилагательных» и наречий, поскольку последние также обладают семантикой качественного признака. В данном случае лишь синтаксическое оформление помогает определить, где атрибут актанта, а где атрибут предиката [5, с. 61], например:

sötét éj 'темная ночь' (букв. 'темнота ночь') – *sötét van* 'темно' (букв. 'темнота есть');
hideg éj 'холодная ночь' (букв. 'холод ночь') – *hideg van* 'холодно' (букв. 'холод есть').

При выделении качественных прилагательных основным грамматическим признаком традиционно выступает категория степеней сравнения, например:

в фин. *vanha* 'старый', *vanhempi* 'старее, старше', *vanhin* 'самый старый';

halpa 'дешевый', *halvempi* 'дешевле', *halvin* 'самый дешевый';

в венг. *fehér* 'белый', *fehérebb* 'белее', *legfehérebb* 'самый белый';

tiszta 'чистый', *tisztább* 'чище', *legtisztább* 'самый чистый'.

Однако не нужно забывать, что этой категорией обладают и наречия, поскольку они выполняют ту же функцию, что и прилагательные, а именно функцию атрибута [6, с. 33], например, ср.:

в фин. *helppo* 'легкий' > *helposti* 'легко', *helpommin* 'легче', *helpoimmin* 'легче всего'; *nopea* 'быст-

рый' > *nopeasti* 'быстро', *nopeammin* 'быстрее', *nopeimmin* 'быстрее всего';

в венг. *gyakran* 'часто', *gyakranabb* 'чаще', *leggyakran* 'чаще всего';

gyorsan 'быстро', *gyorsanab* 'быстрее', *leggyorsan* 'быстрее всего'.

В данном случае мы опять сталкиваемся с проблемой отсутствия у «прилагательных» четкой собственной грамматической категории, что затрудняет восприятие «прилагательного» в финском и венгерском языках как самостоятельной части речи, характеризующейся собственными грамматическими признаками.

В разное время вопрос о статусе «прилагательного» в системе частей речи мордовских языков становился объектом исследования ученых. Так, например, в XIX в. П. Орнатов, а вслед за ним А. Альквист и Ф. Видеман в своих классификациях частей речи на основе лексического значения слова выделяли в мордовских языках *имя* прилагательное и относили его в состав изменяемых слов (т.е. к существительным). М.Е. Евсевьев, один из крупнейших исследователей мордовских языков начала XX в., также относил прилагательные к классу имен в предложенной им классификации частей речи, построенной на основе семантических и морфологических признаков. При этом главным аргументом являлся тот факт, что и существительные, и прилагательные одинаково изменяются по падежам и числам, например: *кудо-т* 'дома', *мазы-ть* 'красивые', *лишме-де* 'от лошади (отл. пад.)', *мазы-де* 'о красивом'. Прилагательные, по мнению Евсевьева, не могут быть выделены в отдельный класс слов еще и потому, что они «... не имеют особой формы; они, как и существительные, оканчиваются на разные гласные и согласные; отличаются от существительных только по смыслу (логически)» [7, с. 125].

Еще один вариант статуса мордовских «прилагательных» предложила в свое время Р.А. Заводова. Она охарактеризовала мордовское «прилагательное» следующим образом: это «самостоятельная часть речи, обозначающая признаки предметов и употребляющаяся в предложении в препозиции существительного в роли определения, которое обычно не согласуется с определяемым ни в числе, ни в падеже...» [8, с. 143]. Таким образом, главным морфологическим признаком *имени* прилагательного в мордовских языках является, с точки зрения Заводовой, его полная неизменяемость в функции определения. Схожая трактовка «прилагательного» встречается и в позднейших описаниях мордовских языков [9, с. 72; 10, с. 229].

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что «прилагательные» в роли определения в мордовских языках остаются неизменяемыми, например:

од кудо 'новый дом',
од кудонь 'нового дома',
од кудонень 'новому дому',
од кудосо 'в новом доме',
од кудотънесэ 'в новых домах'.

Однако таких непроемных прилагательных в мордовских языках мало. В большинстве своем в роли приименного атрибута, как качественного, так и относительного, выступают имена существительные, которые также остаются неизменяемыми, например:

в эрз. *лембе чи* 'теплый день' (досл. 'тепло день'),

лембе чинь 'теплого дня';

валдо чи 'светлый день' (досл. 'свет день');

валдо чинень 'светлому дню';

ал ашо 'яичный белок' (досл. 'яйцо белок');

ал ашосо 'яичным белком';

в мокш. *кельме тяла* 'холодная зима' (досл. 'холод зима');

кельме тялат 'холодные зимы';

шопода ве 'темная ночь' (досл. 'темнота ночь');

шопода веть 'темные ночи';

кининь эска 'железный гвоздь' (досл. 'железо гвоздь');

кининь эскат 'железные гвозди'.

Кроме того, как качественные «прилагательные», так и качественные наречия в мордовских языках могут образовывать формы степеней сравнения, например: в эрз. *умаресь атямарде покш* досл. 'яблоко от вишни большое' – *молемс весемеде икеле* досл. 'прийти от всех рано/впереди' и т.д. Подобные примеры морфологической недифференцированности «прилагательных» и наречий в мордовских языках встречаются нередко.

Тем не менее эти несоответствия не мешают исследователям выделять в мордовских языках самостоятельную часть речи *имя* прилагательное, тем самым отождествляя его с индоевропейским, в частности с русским именем прилагательным. Действительно, в русском языке прилагательные обладают именными категориями (род, число, падеж) и поэтому с полным правом называются именами. Кроме того, они четко отграничены морфологически от других частей речи, например, наречий, чего нельзя сказать о мордовских «прилагательных».

Что касается удмуртского и коми языков, то в них также выделяют *имя прилагательное*, самостоятельную часть речи, которая обозначает признак предмета, выступает в предложении в качестве определения или сказуемого. В роли определения оно стоит в препозиции и не согласуется с определяемым ни в числе, ни в падеже; в роли сказуемого стоит в постпозиции и согласуется с подлежащим во множественном числе [11, с. 572; 12, с. 103; 13, с. 25–26; 14, с. 15], например:

в удм. *виль корка* 'новый дом',
виль коркалэн 'нового дома',
виль коркалы 'новым домом',
но *коркаос вылесь* 'дома новые',
ульчаос паськытэсь 'улицы широкие'.

На первый взгляд, в исследуемых языках сложилась самостоятельная часть речи, которая с точки зрения индоевропейских языков трактуется как *имя прилагательное*. Однако если отвлечься от традиционных (индоевропейских) подходов в анализе языкового материала и обратиться непосредственно к языкам, то эта «самостоятельная» часть речи *имя прилагательное* в удмуртском и коми языках обнаруживает множество недостатков для того, чтобы считаться полноценным классом слов.

Так, в работе В.И. Алатырева прямо говорится о том, что большая часть «прилагательных» в удмуртском языке не имеет характерных для этой части речи суффиксов, и поэтому нередко они совпадают по своей форме или с существительными, или с наречиями, или с теми и другими, например:

нöd сюрес 'грязная дорога' – *сюрес вылын нöd* 'на дороге грязь',

кöй ыж 'жирная овца' – *ыж кöй* 'овечьё сало',

умой адами 'хороший человек' – *умой ужаны* 'хорошо работать',

югыт комната 'светлая комната',

толзэ югыт пиштэ 'луна светит ярко',

укноын югыт адскиз 'в окне показался свет'.

Таким образом, при морфологическом анализе выясняется, что удмуртское и коми «прилагательное» морфологически никак не оформляется, что не позволяет без контекста определить его как существительное, прилагательное или наречие. На семантическом уровне прояснить ситуацию также оказывается трудно, например: слово *чебер* в удмуртском языке, взятое отдельно, само по себе одновременно означает и 'красивый', и 'красота', и 'красиво', слово *ныл* – и 'девушка', и 'девичий' или в коми *гос* 'сало, жир' – и 'жировой, сальный'; *горш* – 'жадный', и 'жадность' и т.п. Итак, лишь привлекая синтаксический анализ, можно понять, к какому классу принадлежат данные слова. В исследуемых языках оно становится либо подлежащим, либо определением в зависимости от места слова в словосочетании, например:

в удм. *чебер егитъёс* 'красивые молодые люди',

егит калык букв. 'молодой народ',

калык визь 'народная мудрость'.

В первом примере слово *егитъёс* по синтаксической функции и грамматической форме можно отнести к классу имен (существительных). Во втором примере позиция этого слова четко указывает на ту функцию, которую оно выполняет, а именно функцию атрибута актанта (т.е. определения). Соответственно оно может быть охарактеризовано как

словоформа с корнем качественной семантики, выполняющая функцию определения.

Подобные примеры мы находим и в коми языке:

ыркыд комнатаын пукалісны кыкӧн ‘в прохладной комнате сидели вдвоём’ и

асья ыркыд вӧтліс унзіль ‘утренняя прохлада прогнала сонливость’.

Кроме того, в удмуртском и коми языках, также как и в вышеописанных языках, имена существительные выполняют роль относительных атрибутов, например:

в удм. *пу корка* ‘деревянный дом’ (досл. ‘дерево дом’),

корт липет ‘железная крыша’,

тол жыт ‘зимний вечер’ (зима вечер);

в коми *пу пань* ‘деревянная ложка’ (досл. ‘дерево ложка’),

кӧрт пач ‘железная печка’ (досл. ‘железо печка’),

сёй тасьті ‘глиняная чашка’ (досл. ‘глина чашка’) и т.д.

В приведенном ниже примере только синтаксическое окружение дает возможность понять, какой именно атрибут – определение или обстоятельство – перед нами:

сійӧ важӧн нин локтіс ‘он давно уже пришел’ и

керкаыс кажитчис важӧн ‘дом казался старым’.

Подобная семантическая неразличимость «прилагательных» и наречий связана с тем, что последние также образуются от корней с качественной семантикой.

Таким образом, проанализировав материал с точки зрения общетипологического подхода к классификации частей речи и преобладания синтаксической функции над семантикой и грамматической формой, можно лишь отчасти согласиться с общепринятой трактовкой «прилагательных» в финском языке как самостоятельного *именного* класса. Что же касается венгерского, мордовских, коми и удмуртского языков, то в них ситуация осложняется тем, что «прилагательное», выступая в функции препозитивного определения при существительном, не меняет своей формы, т.е. не согласуется с существительным в числе и падеже. В результате в данных языках представляет некоторую трудность отличить, например, атрибут актанта от атрибута предиката. Вследствие этого правильнее было бы выделять не *имя прилагательное*, самостоятельную часть речи, а как объединение *словоформ*, образованных от корней качественной семантики и выполняющих единую синтаксическую функцию атрибута актанта.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
2. Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. (Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР Б.А. Серебренников, к.ф.н. Г.М. Керт). М.-Л., 1958.
3. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.
4. Макаров Г.Н. Субстантивные словосочетания типа «имя существительное + имя существительное в косвенных падежах» в финском языке // Тр. Карельского филиала Академии наук СССР / Прибалтийско-финское языкознание. 1960. Вып. 23.
5. Володин А.П. Ненецкие «прилагательные» // Вопросы урало-алтайской лингвистики. СПб, 2004.
6. Володин А.П. Общие принципы развития грамматической системы чукотско-корякских языков // Язык и речевая деятельность. СПб., 2000. Т. 3.
7. Евсевьев М.Е. Основы мордовской грамматики // Избранные труды: В 5 т. Саранск, 1963. Т. IV.
8. Заводова Р.А. Система частей речи в мордовских языках // Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955.
9. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.
10. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980.
11. Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
12. Захаров В.Н. Имя прилагательное в русском и удмуртском языках // Вопросы удмуртского языкознания. 1973. Вып. 2.
13. Игушев Е.А. Сопоставительная грамматика русского и коми языков. Сыктывкар, 1988.
14. Современный коми язык, ч. II. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.